

Андрэ Олдмен

Роковое ухо

«Public Domain»

Олдмен А.

Роковое ухо / А. Олдмен — «Public Domain»,

В книгу вошли романы Д.Мак Грегора «Конан и призраки прошлого», Т.С.Стюарта «Дары зингарийцев», А.Олдмена из цикла «Шадизарские ночи», «Роковое ухо» и «Змеиный камень».

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрэ Олдмен

Роковое ухо

1

Звук, родившийся в темных недрах развалин, был ужасен: словно простились разом, томясь неизбывной тоской, десятки потерянных душ на Серых Равнинах, и вопль их вырвался из недр земли сквозь множество жестяных труб.

Человек на дорожке запущенного сада застыл, положив ладонь на рукоять кинжала и напряженно вглядываясь во полумрак ночи. Черные стены кустов тянулись с двух сторон, а впереди, в неясном свете молодой луны, зловеще темнел фасад давно покинутого людьми дома. Небо затянули облака, оставив лишь небольшое черное озерцо, посреди которого плавал серебряный серп ночного светила; в саду было сыро, и пару раз незваный гость чуть было не наступил на змей, чувствовавших себя хозяевами посреди разора и запустения усадьбы, принадлежавшей некогда звездочету и чернокнижнику Фларенгасту.

Чародей сей, как болтали в духанах, стяжал богатства великие, занимаясь предсказаниями, бывшими часто столь туманными и расплывчатыми, что каждый мог толковать их к своему удовольствию. Многочисленным желающим узнать судьбу свою, он говаривал обычно так:

– Моя наука помогает прочесть то, что предначертано богами. Вы не должны слишком радоваться, если мое предсказание благоприятно, как и не должны расстраиваться, если оно неблагоприятно. Нужно всегда помнить, что помимо звезд постоянных, слагающих на небесах астрологические фигуры, есть множество светил бродячих, кои также влияют на ход событий. И если радость ваша будет омрачена печалью, а печаль сменится радостью, знайте, что причиной тому – гуляющая по небесам звезда...

Впрочем, он действительно кое-что понимал в астрологии, и, бывало, звезды более ясно открывали Фларенгасту будущее. Один подобный случай и позволил звездочету переселиться из предместий в шикарный особняк возле Восточных Врат.

В те давние времена наместником Шадизара был некий Субаши-Хаш, человек вспыльчивый, но справедливый. Весною, когда деревья были в цвету, родился у него сын. Субаши-Хаш тут же послал за астрологом, чтобы тот предсказал наследнику будущее, надеясь, что будущее окажется блестящим.

Случилось так, что в то же время у некоего водоноса тоже родился сын. Когда слуги наместника вели чародея через предместье, сей бедняк ухватил его за полу халата и взмолился погадать своему отпрыску.

– Не видишь, спешу, – отмахнулся Фларенгаст, но водонос вцепился в халат, словно клещ, плакал, размазывая по лицу грязь и сопли, и обещал отдать звездочету накопленные за долгие годы восемь золотых и еще шесть медных монет.

Дело было вечером, звезды уже светили над Шадизаром. Чтобы отвязаться от бедняка, у которого явно не все были дома, Фларенгаст взглянул на небо, что-то пошептал и буркнул:

– Звезды открыли мне, что твой сын станет королем...

Тут он понял, что переборщил, и поспешно добавил:

– Правда, ненадолго. Деньги оставь себе, да купи губку, чтобы помыться.

Когда Фларенгаст явился во дворец, он без лишних разговоров расстелил на полу квадратный кусок материи, испещренный изображением звезд и магических знаков, уселся подле и принялся бросать на ткань пригоршни пустых ракушек, важно надувая при этом щеки. Потом он долго вычислял что-то на вошеной дощечки, чесал бороду, снова бросал ракушки и снова вычислял.

– Да, все правильно, – сказал он наконец в некоторой растерянности. – У твоего сына благоприятные знаки, его ожидает большое будущее. Только... – тут он запнулся. – Только ему суждено стать нищим – на недолгое время.

– Что за глупости! – вскричала мать наследника. – Считай снова, старик, да получше!

Больше всего Фларенгаст не любил, когда его называют стариком. Тем более женщины. Поэтому он упрямо пожевал губами и объявил:

– Ничего не поделаешь, ханума! Жизнь – это вращающееся колесо, никто не может избежать предначертаний судьбы. Твоему сыну суждено стать нищим, и будет он просить милостыню, пока не сгорит вот такая свеча.

С этими словами звездочет не без тайного злорадства указал на довольно толстую свечу в серебряном подсвечнике.

Вспыльчивый Субаши-Хаш тут же велел бросить астролога на съедение голодным львам, содержавшимся специально для подобных случаев в дворцовом вольере, но справедливость взяла верх в душе его, и мучительная смерть была заменена чародею длительным заточением.

Милостью наместника его не бросили в темницу, а заперли в дворцовой башне и позволили даже принести из дома свитки и инструменты, так что Фларенгаст мог продолжать свои ученые изыскания. Каждый год, в день рождения сына в башню поднималась жена наместника и, уперев в полные бока не менее полные руки, грозно вопрошала, не изменилось ли что в небесах. Старого звездочета так и подмывало сослаться на какую-нибудь блуждающую звезду и отменить роковое пророчество, но всякий раз при виде сварливой женщины, не питавшей никакого уважения к его науке, упрямство его брало верх, и он подтверждал свое прежнее предсказание.

Прошло пятнадцать лет. Сын наместника вырос и превратился в умного пригожего юношу. Отпрыск же водоноса выбился в люди и даже попал ко двору наместника и стал другом молодого его наследника, ибо Субаши-Хаш придерживался того мнения, что будущему вельможе следует подбирать себе соратников с молодых ногтей, дабы узнать их истинное лицо и помыслы. Сына своего он ни на шаг не отпускал из дворца, опасаясь предсказания звездочета и того позора, который мог пасть на всю семью, если таковое, не дай бог, сбудется. Впрочем, в своих покоях и огромном саду, окружавшем дворец наместника, его наследник пользовался полной свободой и не раз тайком от папаши отлучался в город.

Однажды городской глашатай объявил под барабанный бой: там-то и там-то будет разыграно представление, на которое приглашаются все желающие.

В назначенный час простолюдины и знать валом повалили на рыночную площадь. Наместник тоже отправился туда и воссел на возвышении, окруженный своими женами, слугами и телохранителями. Он считал себя человеком просвещенным и был охоч до разных забавных зрелищ.

Стемнело; вдоль крытого навесом помоста, на котором актерам предстояло разыграть представление, зажгли толстые витые свечи. Появился фигляр, поприветствовал публику и прокричал:

Представлена для вас, честной народ,
История про пламень и про лед,
О короле из западной страны
Сейчас для вас игру затеем мы!

Потом он попросил присутствующих узнавать актеров по ходу действия, ибо все они были, как оказалось, из местных.

Взвился полог, и все увидели короля в горностаевой мантии, который держал совет со своими приближенными. На его юном лице сажей были нарисованы усы и борода.

- Да это же мой сын! – раздался вдруг среди простолюдинов дребезжащий голос.
- Верно, – подхватили другие, – короля-то играет сын водоноса!

Представление длилось долго. Актеры разыграли историю тирана, который получил урок мудрости от простого нищего и стал отшельником. Публика узнала всех исполнителей, кроме одного: нищий был загримирован очень искусно, а игра его была выше всяких похвал.

Только к концу действия, когда почти догорели толстые свечи на краю помоста, наместник узнал в «нищем» своего сына.

Он хотел было немедленно и публично проклясть отпрыска и лишить его наследства за то, что юноша унился до постыдного актерского ремесла. Но справедливость и на этот раз взяла верх, и Субаши-Хаш вместе со всеми поаплодировал, выразил свое удовольствие и даже наградил игравших, выдав каждому по золотому. Он надеялся, что никто не узнал в «нищем» его сына, а если и узнал, у наместника были свои способы укоротить излишне длинные языки.

Субаши-Хаш испытывал огромное облегчение: пророчество Фларенгаста наконец сбылось, и сбылось самым невинным образом. Звездочет немедленно получил свободу и был пожалован богатым особняком и крупной денежной суммой.

Злые языки утверждают, что Фларенгаст больше всех изумился точности своего предсказания – настолько, что никогда больше не гадал по звездам. Он уединился в своем большом мрачном доме возле восточной стены и предавался неким тайным занятиям, суть коих тщательно скрывал. По ночам над двумя огромными трубами, торчавшими по бокам фасада, валил желтый дым, взметались зеленоватые искры, а из глубин дома доносился какой-то скрежет, уханье и подозрительные стоны, смущавшие покой почтенных шадизарцев. Поговаривали, что чернокнижник наладился вызывать духов Нижнего Мира, таскавших ему из преисподней золото. Впрочем, до поры до времени его не трогали, ибо чародей пользовался покровительством наместника.

Вспомнив все эти рассказы, человек на дорожке сада поправил притороченный за спиной прямой аквилонский меч и ухмыльнулся. Духов ли вызывал Фларенгаст или нет, но старикашка был баснословно богат, а покинул Шадизар гол и бос, в одной набедренной повязке. Это случилось после того, как сын наместника в сопровождении нескольких товарищей тайно бежал из дома и отправился в неведомые края на поиски приключений. Через год дошли слухи, что юноша сей сложил голову, сражаясь на стороне одного из вендийских князей – кажется, его затоптал слон...

Это известие уложило Субаши-Хаша в постель. Он призвал к себе звездочета и слабым голосом осведомился насчет блестящего будущего, предсказанного некогда его сыну.

– Величие жизни человеческой не всегда предполагает ее продолжительность, – промямлил Фларенгаст, – кроме того, блуждающие звезды...

Тогда Субаши-Хаш вспылil в последний раз в своей жизни. Он приказал в три дня изгнать чародея из города, дом его разрушить, а имя придать забвению. Справедливость на сей раз не успела взять верх: душа наместника отлетела к Митре.

Три ночи кряду стены особняка сотрясали неведомые силы, а на третье утро Фларенгаст явил народу свои старческие мослы, едва прикрытые повязкой из верблюжьей шерсти, вышел через Восточные Врата и гордо удалился в пустыню. Его дальнейшая судьба неведома.

Что же касалось повеления наместника относительно дома, то оно было исполнено лишь частично. После исхода чародея в особняк устремились городские стражники во главе с ретивыми сотниками, кои лелеяли надежду набить под шумок карманы из сокровищниц звездочета. Они принялись ломать мебель и крушить стены, но ничего интересного, кроме двух невест чьих полуистлевших скелетов, замурованных в глубоких нишах, так и не обнаружили. Пусто было и в обширных подвалах, где во множестве гнездились летучие мыши и стояли какие-то чаны, доверху наполненные бурой вонючей массой.

Сколько ни простукивали кладку, так ничего и не обнаружили: богатства чернокнижника словно сквозь землю провалились, да может, так оно и было. Когда же рухнувшая неожиданно стена погребла под собой десятерых стражников и одного вельможу, а обвалившийся балкон чуть было не раздавил прибывшего на место действия нового шадизарского наместника, особняк был объявлен проклятым местом, обнесен глухой оградой, а подвалы его на всякий случай залиты водой.

Относительно забвения чародейского имени и вовсе вышла промашка. История Фларенгаста стала притчей во языцех, и каждый вновь прибывший в Шадизар непременно выслушивал ее в духанах, причем каждый раз с новыми подробностями. Находились отчаянные головы, которые, несмотря на зловещие слухи и строжайший запрет властей, проникали за ограду, пытаясь разыскать сокровища. Но ничего ценного в излаженном вдоль и поперек многочисленными ворами доме не сыскивалось, если, конечно, не считать обломков мебели, клочков занавесей и огромных клубков паутины, в изобилии висевших по всем углам. Правда, некоторые божились, что видели зеленоватую фигуру голого старика, бродившего с ворчанием среди запустения и грозившего длинным полупрозрачным пальцем, но мало ли что можно болтать за чаркой вина и бараньей ножкой...

Так и стояли развалины, обнесенные высокой оградой, немые и зловещие. Немые до самого последнего времени. Недавно дом ожил.

Узнали о том соседи, не преминувшие тут же подать жалобу начальнику городской стражи, светлейшему Эдарту. В петиции утверждалось, что среди развалин замечен был зеленоватый свет, слышались какие-то удары, словно колотили по медному тазу, и некие тени возникали возле единственной уцелевшей трубы на фоне звезд.

Светлейший тут же отрядил проверяющих во главе с десятником Урубом, прославленным по всему Шадизару длиной своего острого носа, но сколько ни совал его десятник во все щели, так ничего и не обнаружил. Только в комнате с большим очагом посередине замечен был хорошо сохранившийся оловянный чан, доверху наполненный пылью, но стоял ли он там раньше или принес кто, сказать было трудно.

Обо всем этом ночной гость, пробиравшийся сейчас к дому Фларенгаста, узнал давеча от духанщика Абулетеса, который повсюду имел свои глаза и уши и был осведомлен о всех городских новостях. Человеку с аквилонским мечом за спиной не свойственны были колебания: как только взошла луна, он с помощью веревки с железным крюком на конце легко преодолел ограду, и крадучись двинулся по дорожкам сада к полуразрушенному строению. Духи ли шалили за его стенами или кто-то прознал наконец тайну сокровищ и пришел, чтобы завладеть золотом, ему, в общем-то, было все равно, хотя он и склонялся к последнему варианту. Против духов хорош кинжал с серебряным лезвием и выдолбленная тыква с камфарным маслом, приложенная у пояса, а против людей сгодятся его кулаки и меч.

Человек был молод и отважен. Обликом он никак не походил на низкорослых заморцев: лунный свет играл на буграх его могучих мускулов, искрился в гриве черных волос, а синие глаза, видевшие в полумраке, легко отыскивали дорогу. Он был подобен зверю в лесной чаще, чуткому сильному зверю, явившемуся из-за северных гор поискать добычи среди богатства и нищеты славного Шадизара.

Таясь в тени кустов, человек достиг заваленной обломками рухнувшего балкона площадки, отделявшей сад от парадного входа особняка, и застыл, удивленно прислушиваясь.

Возле дверей разговаривали.

– Не надо, почтенный, – долетал из-за груды камней гнусавый старческий голос, – мне уже расхотелось туда идти... Звуки были столь ужасны, что в желудке моем произошло колебание, чреватое постыдной неприятностью. Я весь дрожу, и глаза мой застилает туман...

– Не стоит тебе бояться, уважаемый Агизар, – отвечал кто-то помоложе, – вспомни, что предсказал магический плат... Ты можешь упустить единственную возможность обрести истинное богатство! Ну же, входи без трепета и помни – я с тобой.

Из-за обломков выступила под лунный свет согбенная старческая фигура, заблестел мясистый нос, и притаившийся в кустах человек узнал ювелира с Алмазной улицы, дававшего также деньги в рост. Агизар прошаркал к дверям и неуверенно взялся за медную ручку.

Вслед за ним взошел на крыльцо плотный голоногий мужчина в добротной коричневой тунике и сандалиях, ремешки которых охватывали его голени аж до колена. Он огляделся по сторонам, положил руку на плечо своего спутника и уверенно молвил:

– Подумай о выгодах сего предприятия, уважаемый, и забудь свой страх.

Ювелир надавил на ручку двери, и створка со скрипом подалась внутрь. Двое исчезли в мрачных глубинах дома.

Выждав некоторое время, человек с мечом за спиной мягко перебежал открытое место и бесшумно последовал за ними.

Он оказался в обширном вестибюле, некогда пышном и великолепном. На мраморных плитах валялись осколки каменных ваз, в нишах вдоль стен темнели статуи с отбитыми руками и головами. На всем лежал толстый слой пыли, испещренный на полу следами приходивших недавно стражников. Человек с мечом присел на корточки и легко высмотрел среди отпечатков сапог узкие следы мягких туфель и другие, оставленные сандалиями с веревочной подошвой. Он двинулся по этим следам, миновал большой зал с рухнувшей правой стеной, свернул налево, прошел через темный коридор и вскоре достиг сводчатой комнаты, посреди которой темнел огромный очаг.

Очаг имел круглое, шагов в пять основание и представлял собой каменный купол не менее десяти локтей в высоту. От него к потолку тянулась сложенная из больших валунов труба, очевидно, та самая, из которой Фларенгаст некогда пускал свой желтый дым.

Комната, озаренная неярким светом, льющим сквозь узкие окна под потолком, была пуста.

Черноволосый бесшумно двинулся было вдоль закруглявшейся стены помещения, но тут же застыл, услышав доносившиеся из коридора звуки шагов. Проклиная себя за то, что не углядел в темном проходе дверь, за которой, как видно, ненадолго скрылись Агизар и его спутник, человек с мечом метнулся к очагу и укрылся в его темном чреве.

Под каменным куполом воняло застарелой сажей и еще чем-то непонятным. Искатель сокровищ провел ладонью по внутренней стене очага, вымазал себе лицо, после чего осторожно выглянул из-за края проема, через который некогда подкладывали дрова. Дрова, видимо, были огромны: в арку печи легко мог бы въехать всадник.

Агизар и голоногий мужчина стояли шагах в десяти; ювелир судорожно цеплялся за плащ своего проводника.

Да, на нем теперь был плащ, черный, с огненным подбоем и дыбом стоявшим воротником, а голову украшала черная же корона, блестящая зелеными камешками. Изменился и наряд ювелира: плечи его прикрывала темно-красная накидка с капюшоном, из-под которого торчал толстый лоснящийся нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.